

Религиоведение. 2024. № 4. С. 124–135.
Religiovedenie [Study of Religion], 2024. No. 4. P. 124–135.

DOI: 10.22250/2072-8662-2024-4-124-135

Аринин Е.И.¹, Маркова Н.М.², Кузнецова Л.Э.³

^{1,2,3} Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
^{1,2,3} 600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87

¹ eiarinin@mail.ru; ² natmarkova@list.ru; ³ lika.smidt@mail.ru

Термин «комплаенс» и формирование языка религиоведческих исследований

Е.А. Аринин

Н.М. Маркова

Л.Э. Кузнецова

Аннотация. Статья рассматривает некоторые аспекты расширения концептуального аппарата языка современного религиоведения в свете его взаимоотношения с распространившимся в российских изданиях термином «комплаенс». Последний обозначает соответствие определённым нормам и требованиям безопасности, преимущественно в сферах бизнеса и медицины, включая как соблюдение юридических требований, так и добровольное согласие подчинить себя им. Лингвисты в этой связи отмечают, что лексема «compliance» имеет важные религиозные коннотации, забытые сегодня, становясь заметной в английских текстах эпохи Реформации, но восходя к христианскому контексту и семантике латинских лексем «assensus» (согласие, одобрение), «obsequium» (справедливость, самопожертвование) и «indulgentia» (снисхождение, великодушие). Принцип «актуализма», согласно которому «настоящее есть ключ к прошлому», позволяет обратить внимание на новые аспекты, открывающиеся в полемике о денотациях и коннотациях таких слов русского языка и терминов современной науки, как «религия» и «религиоведение», открывая в свете понятия комплаенса новые возможности диалога не только экспертов, но и «верующих» с «неверующими». Российская история за последние 100 лет включала в себя несколько радикальных трансформаций норм понимания идеалов и практик великодушия и снисхождения. Философское религиоведение позволяет описать перспективу обретения современного синтеза в понимании ключевых особенностей феномена религии в напряжённом противостоянии эмоционального и рационального, личного и универсального, «трепетного» и «оттрепетавшего».

Ключевые слова: философское религиоведение, религия, комплаенс, семиотика

Evgeni I. Arinin¹, Natalia M. Markova²,
Liliya E. Kuznetsova³

^{1,2,3} Vladimir State University n.a. A.G. and N.G. Stoletovs

^{1,2,3} 87 Gorkogo str., Vladimir, 600000, Russia

¹ eiarinin@mail.ru; ² natmarkova@list.ru; ³ lika.smidt@mail.ru

The Term “Compliance” and the Formation of the Language of Religious Studies

Abstract. The article examines some aspects of the expansion of the conceptual apparatus of the language of modern religious studies in the light of its relationship to the term “compliance”, which has become widespread in Russian publications. They denote compliance with certain safety standards and requirements, primarily in areas such as business and medicine. It includes both compliance with legal requirements and voluntary submission to them. In this regard, linguists note that the lexeme “compliance” has important religious connotations that are forgotten today, become noticeable in English texts of the Reformation era. They go back to the Christian context and the semantics of the Latin lexemes like “assensus” (consent, approval), “obsequium” (justice, self-sacrifice), and “indulgentia” (indulgence, generosity). The principle of “actualism”, according to which “the present is the key to the past”, allows us to pay attention to new aspects that open up in the debate about the meanings and connotations of such words in the Russian language and terms of modern science as “religion” and “study of religion”. This opens up new opportunities for dialogue between experts and between “believers” and “non-believers”, based on the concept of compliance. Russian

history over the past 100 years has included several radical transformations in the norms of understanding the ideals and practices of magnanimity. Philosophical religious studies allow us to describe the possibility of finding a modern synthesis in understanding the key features of the phenomenon of religion in its tense confrontation of emotion and reason, personal and universal, “tremulous” and “trembling”.

Key words: philosophical religious studies, religion, compliance, semiotics

Введение

Религиоведческие исследования всегда так или иначе требуют обращения к вопросу, что именно стоит за словом «религия» в конкретном тексте, или, если обращаться к терминам семиотики, какие денотаты и коннотаты имеет эта единица языка. А.П. Забияко справедливо отметил фундаментальную парадоксальность религиозных утверждений, поскольку, с одной стороны, «религиозное сознание обретает свою подлинность в безмолвии», а «речь, именование противоречат самой его сути», т.е. «его удел – извечная неудовлетворённость высказанным», при этом, с другой, «остаться безглагольным религиозное сознание не может», поскольку «вне слова оно не может ни осознать собственную идентичность, ни обрести полноту надиндивидуальных интуиций», констатируя, что «быть высказанным – необходимое условие его существования» [Забияко, 1998, 5].

В таком контексте язык религиозных высказываний и используемые термины всегда привлекали внимание исследователей. М. Мюллер, который считается одним из «отцов религиоведения», был в числе первых, кто обратился к тщательному анализу этимологии и семантики ключевого слова «религия», его эквивалентов в разных языках («religio», «religion» и т.п.) и обозначаемых им исторических реалий. Так, в русском языке, как это показал М. Фасмер, данное слово присутствует с 1705 года [Фасмер 2009, 466]. Тем не менее, такие известные словари XVIII столетия, как «Церковный словарь...» Петра Алексея (1773) и «Словарь Академии Российской» (1794) его ещё не включали, хотя, согласно лингвистической базе данных «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ), оно было представлено в 27 изданиях этого столетия (по данным на 01.05.2024) начиная с 1707 года (НКРЯ, А.М. Макаров. Гистория Свейской войны..., 1698–1721).

Важно отметить, что это слово может выступать, с одной стороны, как средство обыденного повседневного общения (т.е. как лексема, описанная в словарях русского языка) и, с другой, как термин в дискуссиях и публикациях академического уровня, употребляемая философами, историками, социологами и т.п. экспертами. До настоящего времени такие проекты могут сопровождаться конфликтами между религиоведами и теми «верующими», т.е. «верными своей исповедальной общности», которые разделительно интерпретируют глобальное бытие с позиций «кредо» своей «конфессии» («религии») как «религиозного объединения» в терминах действующего Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ).

Религиоведение («наука о религии»), выделившись как особая область знаний во второй половине XIX века, оказалось востребованным для социальных практик колониальных империй, самосохранение которых потребовало знаний и рациональной политики по поддержанию стабильности в обществах с неустранимым религиозным многообразием. Такие исследования осознанно дистанцировались от господствовавших около 2000 лет в Европе разделительных проектов «христоцентризма», «экклезиоцентризма» и «конфессиоцентризма», признающих «законной истиной» только одну избранную «вѣру» («своё» господствующее исповедание в конкретном государстве в конкретный период). Религиоведение опирается на анализ ключевых терминов, к примеру, «святое», «сакральное» и т.п., используемых в религиозной и религиоведческой литературе, который активно проводится в последние годы, учитывая тот факт, что «конфессиональные и этноконфессиональные общины образуют лингво-религиозные сообщества, каждому из которых присущи свои особенности в семантике религиозного языка и своя особая конвенциональность его употребления» [Забияко, 1998, 35]. В этом контексте, как представляется авторам данного текста, интерес вызывает термин «комплаенс», распространившийся в литературе XX века, который обычно понимается как согласие с определёнными

юридическими требованиями в бизнесе (т.н. «антикоррупционный комплаенс») и медицине (т.н. «комплаентность» как «готовность пациента следовать указаниям врача»), представляющий важные перспективы для религиоведения, которые ещё только начинают изучаться [Аринин, Лютаева, Маркова, 2023, 120].

В этом контексте вспоминаются справедливые слова Г.С. Кнабе (1920–2011), отметившего «две опасности» любых исторических исследований, когда, с одной стороны, каждый исследователь может стремиться «духовно обособиться» от прошлого, превращая живую историю в мёртвое собрание «оттрепетавших фактов» («объективность»), или, с другой, «поддаться его власти и раствориться в нем», чем он «заслоняет действительность», погружаясь «в мир воспоминаний, <...> ярких и бередящих страстей», т.е. предельно субъективного отношения [Кнабе, 1981, 3]. Философское религиоведение ожидает достижения баланса этих двух перспектив имманентно присущего каждому поиска истины в напряжённом противостоянии «трепетного» и «оттрепетавшего», субъективного и объективного.

Религия, религиоведение и уровни описания действительности

В данном контексте важно различать особенности трёх уровней коммуникации, включая, прежде всего, язык непосредственных «наблюдателей действительности» (Я1), язык описаний «наблюдателей за наблюдателями действительности» (Я2) и язык попыток универсального синтеза описаний первого и второго типов в философском религиоведении («*Philosophia perennis*» и т.п. проектах) (Я3). Первый (Я1) описывает наблюдаемое в многообразии «знаковых систем» как «текстов в широком смысле», которые в истории могли приобретать формы танца, ритуальных практик и символической письменности, выступившей как «условные мнемонические знаки», когда, к примеру, «у малайцев Суматры щепотка соли, перцу и т.п.» обозначали любовь или ненависть [Ловягин, 1898, 704]. Это могли быть вдохновенные поэтические гимны, когда «распевать гимны» означало и «пророчествовать», что, в отличие от молитв, не содержало просьб, но было проявлением спонтанного и бескорыстного восторга перед незримой силой «божественного», к примеру, египетской богини правды Маат, вавилонского бога справедливости Шамаша и т.п. «актеров», представляемых в мифах, преданиях и других «историях», вплоть до современных медийных «сенсаций», эмоциональных комментариев в блогах и т.п.

Второй (Я2) позднее оформляется как прозаический язык (языки) описаний, создаваемых специализированными наблюдателями за наблюдателями действительности, всегда стремящихся отделять бесполезность «выдуманных поэтами басен» как «мнений» от продуктивных «знаний» («правды», «истины», «науки» и т.п.) в текстах по истории (Геродот), философии (Платон), теологии (Августин), а в Новое время – антропологии, филологии, психологии, социологии и т.п. особых областей современного знания, включая и религиоведение. Третий (Я3) выступает как средство для построения системного знания о религии в философском религиоведении (философии религии и т.п. проектах).

Одним из базовых требований научных исследований выступает принцип актуализма, выражаемый известным афоризмом, гласящим «настоящее есть ключ к прошлому», т.е. предполагая, что рассматриваемая система, в нашем случае религия, в прошлом функционировала по тем же законам, что и сегодня. Так, Лейбниц сформулировал известный «принцип Арлекина, императора Луны» (1704), согласно которому «свойства вещей всегда и повсюду являются такими же, каковы они сейчас и здесь» [Лейбниц, 1984, 388]. Это, конечно, требует уточнений, особенно в философском религиоведении, к примеру, в свете поэтики известного призыва: «сеите разумное, доброе, вечное» (Н.А. Некрасов, «Сеятелям», 1876). Последний, в свою очередь, коррелирует с утверждением Ивана Пересветова «Бог не вѣру любит – правду» (ок. 1530), сформулированном в эпоху Реформации в контексте поисков «истинной религии», восходя к вечным сюжетам, идущим от знаменитого трактата Августина («*De vera religione*», 390), концепта «справедливости», представленного в «Законах Хаммурапи» (ок. 1750 г. до н. э.) и известного по древневосточной «литературе мудрости» понятия «сердца» (совести, сознания, души и т.п.).

Как уже предварительно отмечалось выше, согласно данным НКРЯ, слово «религия» впервые встречается в тексте кабинет-секретаря Петра Великого А.М. Ма-

карова «Гистория Свейской войны» в заметках за 1707 год [Гистория, 2004, 268, 424]. М. Фасмер отмечал, что эта кириллическая лексема известна с 1705 года из дневниковых записей князя Б.И. Куракина, где она встречалась в нескольких формах (релтя, релия, религия и т.п.) [Куракин, 1890, 127, 128]. Другие исследования позволяют проследить историю этой лексемы до «Лексикона» (1627, 1653) П. Беринды и анонимного полемического трактата «Апокрисис» (1597, 1598) [Аринин, 2017, 71–72].

Вместе с тем, согласно Википедии (Wikimedia Foundation, далее – «WF»), где понятие религии представлено на 333 языках, отнюдь не во всех случаях используется именно это кириллическое или латинское написание. Это понятие может выражаться в других формах на ряде языков, включая словацкий («náboženstvo»), греческий («θρησκεία») и, собственно, древнерусский («вѣра») [Аринин, 2017, 67]. Тем не менее, всё это многообразие принято возводить к латинской лексеме «religio», которая могла соотноситься как с мудрым «благочестием», так и со смехотворной «мнительностью» [Садов, 1897, 830, 840]. Это слово в истории имплицитно могло обозначать существенно различные понятия и стоящие за ними феномены, начиная с неотличимого от мнительности «суеверия» как излишне скрупулёзного контроля некоторых сограждан за рядом повседневных практик, насмешливо представленного в комедиях Плавта, до предельно серьёзной традиции, которая, по убеждению элит того времени, обладает уникальной спасительной мощью сообщества «никейской ортодоксии» (Καθολικὴ Ἐκκλησία/Catholica Ecclesia/Вселенской церкви), которая с эпохи Феодосия Великого, утвердившего радикальную политику «contra paganos», считалась призванной очистить государство от всех «языческих суеверий». Позднее сформировались светские концепции XIX–XX веков («опиум народа», «опиум для народа», «вера в сверхъестественное», «надзирание за неизвестным» и т.п.), порой отождествлявшие религии и суеверия, особенно в СССР.

Термин «религиоведение», согласно базе НКРЯ, появляется в русском языке в конце XIX столетия (НКРЯ, П.Л. Лавров. Статьи, 1882). Данное утверждение содержит ссылку на текст «Введение в сравнительное религиоведение», что, однако, является ошибкой, свидетельствующей о необходимости перепроверять данные НКРЯ, и демонстрирует всю сложность цитирования религиоведческой лексики, поскольку П.Л. Лавров в оригинале статьи 1882 года в действительности ссылался на немецкое издание монографии Макса Мюллера «Einleitung in vergleichende Religionswissenschaft», тогда как перевод с использованием слова «религиоведение» был опубликован позднее в СССР [Лавров, 1989].

Время выхода публикации пришлось на переломный период, начавшийся после сенсационного для СССР празднования «1000-летия Крещения Руси» (1988), т.е. того, что в риторике «Союза безбожников» (1925–1947) звучало бы как юбилей «1000-летия “мракобесия” и “врага науки” на Руси». Именно в конце XX века, названном «период перестройки» (1985–1991), произошли как «возрождение религий», так и введение «религиоведения» в университетах. Последнее выступило как зонтичный термин, объединяющий многообразие специализированных научных исследований «религиозных явлений» философами, историками, социологами, филологами, психологами, антропологами и другими экспертами. Именно в эти годы, согласно НКРЯ, рассматриваемый термин входит в русскоязычную литературу, включая отмеченное переиздание работ П. Л. Лаврова, при этом оригинальный термин «Religionswissenschaft» из текста 1882 года оказался переведён как «религиоведение». Последний призван был маркировать новый этап развития отечественной «науки о религии», заместив термин «научный атеизм», встречающийся в базе НКРЯ с 1970 года (НКРЯ, В.П. Елютин. Великая задача // «Огонек». № 11, 1970). Более корректные исследования показывают, что последний начал использоваться в 1946–1954 годы, заменив, в свою очередь, ставшие одиозными идеи «воинствующего атеизма» 20–40 годов XX века, который сегодня может оцениваться как «симулякр атеизма» [Никитин, <https://gorky.media/context/simulyakr-ateizma/>].

Эксплицитно термин «религиоведение», как показал П.Н. Костылев, впервые в русском языке употребил Л.Н. Толстой в 1908 году [Костылев, 2013, 81]. Упомянутый термин «Religionswissenschaft», как и его англоязычные аналоги («The Science

of Religion», «Study of Religion» и т.п.), вошли в мировую академическую литературу со второй половины XIX века, начиная с публикаций упомянутого выше М. Мюллера, предложившего описывать религии на основании особого критерия истинности, взятого им из «сравнительного языкознания», опирающегося на известный парадокс Гёте («кто знает один только язык, тот не знает ни одного»), преобразовав его в афоризм «кто знает одну только религию, тот не знает ни одной» [Мюллер, 1887, 10–11].

Исторически описанием и оценкой эффективности и, соответственно, «истинности» тех или иных религий и соответствующих практик, могли заниматься на протяжении сотен тысяч лет отдельные люди и их ближний круг, выбирая и воспроизводя наиболее удачные для самосохранения индивида, своего семейства и племени. Позднее, в урбанистических культурах, эта роль переходит к придворным элитам, к примеру, в случае фараона Эхнатона, императора Константина или князя Владимира (сюжет «выбор вѣры»). С XIX века это начинают делать университетские профессора, включая М. Мюллера, который предложил сотрудничество своим оппонентам со стороны как «верных» истинам конфессиональных «ортодоксий», так и позитивистской «строгой научности», дистанцирующейся от всего «богословского», убеждая всех совместно формировать то, что сегодня можно назвать имплицитным «религиоведческим комплаенсом», опирающемся, в терминах М. Мюллера, на «интеллектуальное рыцарство» новой науки в викторианской Великобритании. Эта наука получила возможность «рассуждать о религиях мира по строго научному методу», при этом признавая, что «в наше время почти невозможно говорить о религии, не задев кого-нибудь», поскольку в обществе распространено множество глубоко укоренившихся убеждений и предрассудков, преодолеть которые возможно не «указаниями сверху» от королевы Виктории или парламента, но только благодаря доверию к «благородству намерений» каждого исследователя и способности выслушать оппонента «с спокойным беспристрастием» [Мюллер, 1887, 1, 4]. Он предлагает различать два значения слова «религия», первое из которых выражает особенность частных форм (иудаизма, христианства и т.п.) как особых учений, тогда как второе – саму «способность верить», которая «независимо от разума, а даже наперекор ему», открывает особую перспективу описать саму «жажду Бесконечного» как таковую [Мюллер, 1887, 11, 12]. Этим подчёркивалась роль этой науки для диалога «верующих» и «неверующих», когда академическая перспектива объективного и корректного описания сходства и особенностей социальных феноменов, признаваемых за «религию» в Лондоне и Дели, сочеталась с перспективой практически «овладеть» ими, отказываясь от радикальных противопоставлений «вѣры» и «зловѣрия» [Мюллер, 1887, 45].

Религиоведческие исследования, как и многие другие области науки, уже около 100 лет переживают т.н. «лингвистический поворот», восходящий к более широкому контексту идей Б. Рассела, Л. Витгенштейна, ряда других знаковых представителей современной философии и их великих предшественников. Под этим влиянием «появилась необходимость анализа языка науки, понятийного аппарата, составляющих неотъемлемую часть общего процесса познания и развития знаний» [Васильев, 2017, 174]. Одним из первых в отечественных изданиях это отметил Ю.А. Кимелев, показав, что появились исследования, где «вопрос об истинности суждений предваряется теперь вопросом об их смысле», а сами они «сфокусированы <...> на изучении языка религии, прежде всего смысловой проблематики этого языка» [Кимелев, 1989, 29–30]. А.П. Забияко обратил внимание на то, что «лингвистический поворот» в философии религии «означал прежде всего обретение определённой предметной области, отличающейся, с одной стороны, от трудноуловимой субъективной реальности индивидуального религиозного сознания, а с другой – от философско-теологических спекуляций», при этом «не мир субъективной религиозной жизни, а общедоступные знаковые и языковые структуры образуют проблемное поле современной философии религии» [Забияко, 1998, 26–27].

В этом контексте многие высказывания могут рассматриваться как «языковая игра», когда, к примеру, «речевой оборот “Солнце восходит” в рамках современной астрономической теории, является не ложным, а бессмысленным», тогда как «в контексте же языковой игры крестьян или туристов он, напротив того, осмыслен» [Апель, 2001, 86]. Анализ того как «язык крестьян» соотносится с «языком теоретиков» имеет

важное значение для понимания современной ситуации в религиозно-философской области исследований и обретения перспектив согласия не только «теоретиков» друг с другом на их специализированных Я2, но и с «крестьянами» и их Я1, подчинившись общим и согласованным требованиям, присущим процессам приобщения к высшему образованию в области религиозно-философского знания. Так, к примеру, полемика «теоретиков» о том, что следует считать «религией», уже около 100 лет не получает своего согласованного завершения, поскольку, с одной стороны, согласно Э. Дюркгейму, религия выступает как множество практик солидарности [Дюркгейм, 2018, 22]. С другой, Т. Лукман полагал, что она, наоборот, выступает как способность именно индивидуального сознания к трансцендированию [Лукман, 2014, 143]. Соавторам этого текста ближе позиция, трактующая религию как «надзирание за неизвестным» [Аринин, Лютаева, Маркова, 2023, 121]. Согласовать такие разные подходы может помочь анализ исторического опыта, стоящего за термином «комплаенс».

Термин «compliance» как «англицизм» и его религиозно-философские аспекты

Наш анализ мы будем проводить, опираясь на информацию «WF», базы НКРЯ и ряда других специальных источников. Так, в «WF» (на 01.05.2024) материал о феномене «комплаенс»/«compliance» представлен на 16 языках, включая русскую версию, в которой сообщается, что слово «комплаенс» (англ. compliance – соответствие; происходит от глагола to comply – соответствовать) – буквально означает «...» соблюдение – действие в соответствии с запросом или указанием; повинование «...», т.е. «комплаенс» представляет собой соответствие каким-либо внутренним или внешним требованиям, или нормам». В религиозно-философском плане последнее представляется вполне справедливым в отношении только публикаций за последние 100 лет, тогда как большую часть своей истории, т.е. около 300 лет, начиная с XVII века, когда эта лексема становится заметной в текстах, она имела именно религиозное содержание, тогда как распространённые сегодня коннотации этого слова с «life sciences», «physical sciences» и «mechanics» фиксируются только с 1930-х годов XX века [Oxford English Dictionary, https://www.oed.com/dictionary/compliance_n?tab=factsheet&tl=true#8836867].

«WF» лексему «compliance» характеризует в некоторых версиях как «англицизм». Она действительно пришла в современный международный язык из этой языковой культуры в начале XX века, после ряда громких скандалов и судебных разбирательств в США. Тогда в этой стране произошёл ряд случаев смертельных отравлений продуктами и лекарствами, в том числе детей, вызвав, благодаря СМИ, большой общественный резонанс, что привело к учреждению специального подразделения «FDA» (1906, Food and Drug Administration, Управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств). В дальнейшем такой контроль и практики «compliance» (согласования и подчинения согласованному) установились во многих других странах, к примеру, в России, где с 2012 года существует «Национальная Ассоциация COMPLIANCE» (НАК) и т.п.

Специально в «WF» отмечается многозначность этого слова. Последняя включает в себя т.н. омонимы, которые представляют феномены из таких разных областей деятельности как медицина («терапевтическое сотрудничество», т.е. соблюдение пациентом рекомендованного врачом курса лечения), физиология (податливость, к примеру, «лёгочная податливость» и т.п.), механика (податливость металлической пружины), психология (уступчивость, положительный ответ на просьбу других), экология (соблюдение регуляторных норм) и т.п.

Ближе к философско-религиозно-философской тематике представляется вошедший в десятку лучших независимых фильмов 2012 года триллер («Compliance»/«Эксперимент “Повиновение”»), режиссёр Craig Zobel, 2012), детально реконструирующий реальные события в штате Кентукки в 2004 году, художественно демонстрируя весь скрытый драматизм повседневной жизни, где слепое «доверие к властям», переживаясь как «священный трепет или страх», способно порождать унижительную покорность [Ляшенко, https://www.gazeta.ru/culture/2012/12/11/a_4887641.shtml]. Те же коннотации представлены и в получившей популярность одноименной песне («Compliance», альбом «Will Of The People», группа «MUSE», 2022), где поёт-

ся «о повиновении, которое требуют от угнетённого общества сильные мира сего в обмен на мнимые безопасность и счастье», тем самым «умалая нашу свободу, автономию и независимое мышление» [MUSE, <https://dzen.ru/a/Y9qsmPVP1AH6mEaw>].

Помимо двух отмеченных художественных произведений, слово «compliance» получило основное распространение именно как обозначение прагматичной необходимости для собственной безопасности соблюдать пищевые, медицинские, экологические и т.п. правила, нормы и стандарты, сформулированные за XX век после отмеченных выше скандалов. Так, в российскую культуру кириллическая калька «комплаенс» входит преимущественно в XXI столетии, существуя как новое понятие, которое отсутствует на момент обращения (01.05.2024) в НКРЯ именно как таковая, но присутствуя там в двух текстах на латинице как «compliance», коннотируя с защищённостью как организации, так и технического устройства (ноутбука). В то же время эти лексемы получили значительное распространение в специализированных научных изданиях, к примеру, представленных в базе данных eLibrary.Ru, где на 01.05.2024 отмечаются 10 571 кириллических текстов («комплаенс») и 227 960 текстов с латиницей («compliance»), что привлекает внимание религиоведов [Маркова, Аринин, Цыганов, 2024, 99]. В целом очевидно, что вопросы достойного сочетания «священного трепета», «свободы» и «безопасности» всегда волновали человечество.

Роль такого англицизма, как «compliance», мы рассмотрим в общем контексте русско-английских контактов, которые, как известно, эксплицитно начались с предания об убежище, данном в Киеве (ок.1030) Ярославом Мудрым бежавшему от династических конфликтов и прямой угрозы гибели принцу Эдуарду Изгнаннику, позднее укрепившись свадьбой (ок. 1074) Владимира Мономаха и принцессы Гиты Уэссекской, породнившей правящие династии двух народов. Эти события происходили между представителями региональных форм «Pax Christiana» в Киевской митрополии Великой церкви Христовой (ἡ Μεγάλη τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία) и недавно завоёванной нормандцами Англии (Victoria Angliae Normannica, 1066) в воссоздаваемом политическом единстве «Romanum imperium» под юрисдикцией «Ecclesia Catholica Romana», сохраняя, после «Schisma anni 1054», глобальное единство Καθολικῆ Ἐκκλησίας/Catholica Ecclesia/Вселенской церкви. Для Англии это была сложная эпоха смены англосаксонской династии на нормандско-французскую, когда основным языком страны и новой элиты стал англо-нормандский (старофранцузский, Old French), из которого и пришла лексема «compli» (выполнять), важная для коммуникации администрации, аристократии, правосудия и церковнослужителей, которая, в свою очередь, как предполагают этимологические исследования, была связана с латинскими словами «complire» (выполнить) и «complere» (завершить), обретая иногда коннотации с «compliance» (похвала, любовь) [Compliance, <https://www.etymonline.com/word/compliance>]. Таким образом, в своих истоках лексема «compliance» восходит к эпохе христианского единства, сопровождавшегося острыми конфликтами и «выполнением», порой вынужденном, ряда требований ради перспективы достижения «завершённости» и «полноты» в похвальной «лѣпоте», ожидаемой Богом, противостоя как «нелѣпостям», так и тьме «слѣпоты».

Этимологические исследования сообщают, что английское слово «compliance» фиксируется с 1640-х годов, в контексте событий эпохи английской Реформации (English Reformation, Reformatio Anglica), само название которой иногда критично трактовалось в России так, что «если идёт речь о реформации, то при этом необходимо предполагается предшествовавшая ей деформация, что потребовало остановить «накопление злоупотреблений и порчу римско-католической церкви», восстановив «христианство в его первоначальной чистоте» [Соколов, 1881, 1]. Это время было начато эпохой правления Генриха VIII, который получив от папы титул «Защитник веры» (Fidei defensor, 1521), затем, при поддержке парламента, принял целый ряд юридических документов, начиная с «Акта об ограничении апелляций» (Statute in Restraint of Appeals, 1533) и «Акта о Верховенстве» (Acts of Supremacy, 1534), призванных утвердить авторитет парламента и короля выше авторитета папы. В таком контексте острой необходимостью стал поиск комплаенса между интересами противоборствующих сторон, при усилении роли парламента [Зарубина,

https://diletant.media/articles/45299479/?utm_source=zen&utm_medium=social&utm_content=article]. Как и в ряде других стран Европы этого периода, это было время радикальных социальных потрясений, вызванных конфликтами католиков и протестантов, когда сложились противостояния множества субкультур «согласных» и «несогласных» с политикой королевской власти и парламента, фиксируясь в таких характерных лексемах того периода как *noncompliant* (несоответствующий), *dissident* (диссидент, отщепенец), *insubordinate* (непокорный) и т.п. [Федотов, 2018, 23–24].

Новые перспективы в достижении «лѣпоты» русско-английских отношений открылись в XVI веке, когда Иван Грозный вел переписку (1562–1584) с королевой Англии Елизаветой I [Могла стать русской царицей, <https://kulturologia.ru/blogs/250522/53370/>]. В эти годы началось становление дипломатических отношений двух народов, потребовавшее, среди прочего, составления словарей, первый из которых включил в себя, помимо прочего, описание некоторых особенностей российской региональной религиозности (транскрибированной как «βεга», т.е. «вѣра»), заметив, что так называли «и верование, и религию, а кроме того, и все нравы и обычаи и, когда спросишь о том или другом, отвечают “вера наша” или “вера такова”: как мы привыкли» [Ларин, 1959, 115–116].

Иронично эта проблематика представлена в художественной форме в образе Короля, героя телевизионного фильма «Обыкновенное чудо» (1978, М. Захаров) по одноимённой пьесе Е.Л. Шварца (1954), сообщавшего, что он носит титул «почётный папа римский нашего королевства» [Парадоксы, https://vk.com/wall-149627512_65249]. Реальная парадоксальность этого титула и невозможность самого явления никого не удивляла, поскольку это была эпоха претензий региональной власти на значимость абсолютного масштаба, смешивания и подмены универсального локальным, «местячковым». К этому историческому периоду относятся и воспоминания упомянутого выше князя Б.И. Куракина, где он использует кириллическую лексему «религия», детально описывает ситуацию в Англии начала XVIII века (1706), где «всѣ подь именемъ реформиты реліи, только же есть въ нихъ между реформиты раздѣленіе и другъ другу противные. Первые называются бышкуплике, другіе конформисты, а въ провинціи Шкотлантской и тѣмъ обоемъ противны, которые называются нонъ конформисты, другіе называются дезентеирштъ; и такъ есть въ Англии четыре реліи (религіи) розныхъ» [Куракин, 1890, 145]. Таким образом, с дипломатической точки зрения, «диссентарии», «реформиты» и т.п. сообщества, «друг другу противные» и конфликтовавшие между собой с обвинениями в «атеизме» и «колдовстве», им уважительно признаются за «религии». Приходит эпоха Просвещения с идеями личных свобод, восходящих к «Magna Charta Libertatum» (1215), возрастающим влиянием «Royal Society of London for Improving Natural Knowledge» (1660), распространяющим нормы рационального объяснения на все явления мира, запретом на рассмотрение судебных обвинений в колдовстве (Witchcraft Act 1735) и пониманием достоинства «obsequium» как стремления к справедливости, готовности к самопожертвованию и разумному послушанию, дистанцируясь от «недостойности» для «благородного человека» (*gentleman*, *gentilhomme*) как непримиримой непреклонности, так и низменного раболепства.

В XVIII столетия один из первых отечественных англо-русских словарей отмечал, что «*compliance* – исполнение, снисхождение, *comply* – согласиться, снисходить» [A New Dictionary, 1784, 93]. Через 100 лет в словаре конца XIX века (1879), составленном группой переводчиков, объединившихся под условным именем «А. Александров», переизданном и в начале XX столетия, слово «*compliance*» истолковано как уступчивость, угодливость, предупредительность, снисходительность [Полный англо-русский словарь, 1909, 148]. Позднее, в советский период, появляются новые, при этом преимущественно негативные, коннотации в самом масштабном отечественном словарном издании, где «*compliance*» понимается как 1. согласие; *in ~ with your wish [request]* согласно вашему желанию [вашей просьбе]; 2. 1) уступчивость, податливость; 2) угодливость; *base ~* подхалимство, низкопоклонство» [Большой англо-русский словарь, 1979, 289].

Англо-латинские словари сопоставляют «*compliance*» с семантикой латинских слов «*assensus*» (согласие, одобрение), «*obsequium*» (справедливость, самопо-

жертвование, послушание при избегании как непримиримой непреклонности, так и низменного раболепства) и «*indulgentia*» (снисхождение, милость, прощение, помилование, великодушие) [Thesaurus, 1746, 83]. Более светское понимание представлено в современной электронной версии издания «Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus», где отмечено, что «*compliance*» обозначает «акт подчинения закону или правилу, особенно тому, который контролирует определённую отрасль или тип работы» [Cambridge Advanced Learner's Dictionary, <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/compliance>]. Таким образом, в XX веке слово приобретает преимущественно юридическое, т.е. гражданское и надконфессиональное содержание, важное для всех, кто относит себя как к «верующим», так и «неверующим». Текущие дискуссии о массовом понимании комплаенса фокусируются на том, что его содержание носит не столько теоретический, сколько практический характер, и, подобно тому как «нельзя по учебнику научиться плавать», так и комплаенс требует «практического погружения в работу», учитывая требования, наработанные в разных странах, включая необходимость понимать ситуацию не в статике, но в динамике, трактуя это явление как «живой механизм, который постоянно нужно улучшать», привлекая людей, «которые горят идеей и хотят изменений, не боятся интересных сложных проектов» [Грекова, <https://www.hse.ru/news/edu/496963288.html>]. Очевидна значимость этого понятия в современном межконфессиональном диалоге. Представляется важным в дальнейшем вернуться к более детальному анализу богатой исторической семантики рассматриваемой лексемы, обозначаемым ею понятиям и соответствующим феноменам, т.е. её денотатам и коннотатам, значимым именно для религиоведческого дискурса.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что термин «комплаенс» и обозначаемые им социальные явления, сегодня переходит из коммуникативных практик одних областей общественной жизни в другие, привнося в неё новые и значимые смыслы, важные как для бытовых Я1, так и расширяющегося круга множества специализированных Я2, при этом обогащаясь дополнительными коннотациями. Сложившись в теологических дискуссиях христианской традиции как тенденции к «завершённой полноте» в духе свыше устроенной «лѣпоты», которая в эпоху английской Реформации трансформировалась в идеал «*obsequium*» (справедливости, самопожертвования и послушания при избегании как непримиримой непреклонности, так и низменного раболепства), этот термин оказался способным выразить специфику формирования одного из проявлений современной глобальной «культуры согласия», восходящей, возможно, к самим истокам человеческого общежития и переживания жизнетворной солидарности (Дюркгейм), опирающейся на способность нашего уникального «Я» к трансцендированию (Лукман) в процессе переживания трепета от «надзирания за неизвестным» (Луман).

Философское религиоведение требует дальнейшего анализа денотатов и коннотатов данных терминов («религия» и «комплаенс»), выходя за границы сложившихся определённых подходов, необходимых в частных и прикладных контекстах, что позволит открыть перспективу переосмысления ряда стереотипов сложившихся форм «наблюдения за наблюдателями». Очевидно сохраняется актуальность поисков новых и смелых форм единства «здесь и сейчас» того, что в истории получало наименование «согласие», «одобрение», «справедливость», «самопожертвование», «послушание при избегании как непримиримой непреклонности, так и низменного раболепства», «снисхождение», «помилование» и «великодушие». Последнее требует готовности к корректному согласию экспертов в вопросах уместности таких переосмыслений в определённом контексте уровня Я3, включая глобальные, кросскультурные и транссторические исследования.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01105, <https://rscf.ru/project/24-28-01105/>

Acknowledgement

The study was supported by a grant of Russian Science Foundation № 24-28-01105, <https://rscf.ru/project/24-28-01105/>

Библиографический список

1. Апель, К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель; Пер. с нем. – М.: «Логос», 2001. – 344 с.
2. Аринин, Е.И. Религия как «релъя»: между политикой, поэтикой и логикой (XIV–XVIII вв.) / Е.И. Аринин // *Религиоведение*. – 2017. – № 3. – С. 66–80.
3. Аринин, Е.И. Религиозность и медицина: комплаенс между образами медиа и рациональностью / Е.И. Аринин, М.С. Лютаева, Н.М. Маркова, Д.И. Петросян // *Религиоведение*. – 2023. – № 3. – С. 118–128.
4. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Сост. Н.Н. Амосова, Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин и др.; Под общ. рук. И.Р. Гальперина. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1979. – Т. 1. – 824 с.
5. Васильев, В.А. Лингвистический поворот в философии / В.А. Васильев // *Философские науки*. – 2017. – № 1 (768). – С. 172–181.
6. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова, под общ. Ред. А.А. Преображенского. – М.: «Кругъ», 2004. – Вып. 1. – 632 с.
7. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова, под общ. Ред. А.А. Преображенского. – М.: «Кругъ», 2004. – Вып. 2. – 632 с.
8. Грекова, И. Комплаенс предназначен для людей, готовых менять и меняться [Электронный ресурс] / И. Грекова. – URL: <https://www.hse.ru/news/edu/496963288.html> (дата обращения 23.03.2024).
9. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.
10. Забияко, А.П. Категория святости. Сравнительное исследование лингво-религиозных традиций / А.П. Забияко. – М.: Издательский дом «Московский учебник-2000», 1998. – 205 с.
11. Зарубина, А. Реформация в Англии: король против папы [Электронный ресурс] / А. Зарубина. – URL: https://diletant.media/articles/45299479/?utm_source=zen&utm_medium=social&utm_content=article (дата обращения 15.02.2024).
12. Кимелев, Ю.А. Современная западная философия религии / Ю.А. Кимелев. – М.: Мысль, 1989. – 285 с.
13. Кнабе, Г.С. Корнелий Тацит / Г.С. Кнабе. – М.: Наука, 1981. – 208 с.
14. Костылев, П.Н. Институализация религиоведения в Московском университете в первой половине XX в. / П.Н. Костылев // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия*. – 2013. – № 5. – XXX с.
15. Куракин, Б.И. Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705–1707 / Б.И. Куракин // *Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1.* – СПб., 1890. – 388 с.
16. Ларин, Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) / Б.А. Ларин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. – 423 с.
17. Лавров, П.Л. О религии / П.Л. Лавров. – М.: Мысль, 1989. – 416 с.
18. Лейбниц, Г.В. Сочинения в четырёх томах / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1984. – Т. 3. – 734 с.
19. Ловягин, А.М. Письмена // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1898. – Т. XXIIIА (46). – С. 704
20. Лукман, Т. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» / Т. Лукман; пер. с нем. Е. Костровой, И. Забаева // *Социологическое обозрение*. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 139–154.
21. Ляшенко, В. Досмотри ближнего своего [Электронный ресурс] / В. Ляшенко. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/2012/12/11/a_4887641.shtml (дата обращения 03.03.2024).
22. Маркова, Н.М. Комплаенс «карикативности» и «религии»: локальные коннотации философского религиоведения от Цицерона до Флоровского / Н.М. Маркова, Е.И. Аринин, Р.В. Цыганов, И.А. Семенов // *Религиоведение*. – 2024. – № 1. – С. 90–103.
23. Могла стать русской царицей, казнила сестру, сохранила невинность: любопытные факты об английской королеве Елизавете [Электронный ресурс]. – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/250522/53370/> (дата обращения 03.03.2024).
24. Мюллер, Ф.М. Религия как предмет сравнительного изучения / Ф.М. Мюллер. – Харьков: Издательство переводчика, 1887. – 138 с.
25. Никитин, Ф. Симулякр атеизма. Марианна Шахнович – о том, что такое «научный атеизм» [Электронный ресурс] / Ф. Никитин. – URL: <https://gorky.media/context/simulyakr-ateizma/> (дата обращения 03.03.2024).

26. Парадоксы Короля из «Обыкновенного чуда» Евгения Шварца [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-149627512_65249 (дата обращения 23.03.2024).
27. Полный англо-русский словарь, составленный А. Александровым = Complete english-russian dictionary. – 5-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Воен. тип., 1909. – 926 с.
28. Садов, А.И. Значение слова Religio у древних римлян / А.И. Садов // Христианское чтение. – 1897. – № 6. – С. 829–841.
29. Соколов, В.А. Реформация в Англии / В.А. Соколов. – М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1881. – 542 с.
30. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / М. Фасмер; пер. с нем. – М.: АСТРЕЛЬ АСТ, 2009. – Т. 3. – 830 с.
31. Федотов, С.П. Англиканская церковь и государственная власть в Англии: история и современность / С.П. Федотов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – № 3 (29). – С. 22–27.
32. Электронная библиотека «Научное наследие России» [Электронный ресурс]. – URL: <http://books.e-heritage.ru/Catalog/ShowPub/29936?lg=en> (дата обращения 17.05.2024).
33. A New Dictionary English and Russian. Новой словарь английской и российской. – СПб.: Тип. при Морском шляхетном кадетском корпусе, 1784. – 772 с.
34. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/compliance> (дата обращения 23.03.2024).
35. Compliance [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/word/compliance> (дата обращения 03.03.2024).
36. MUSE о новом мировом порядке в своей песне [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/Y9qsmPV1AH6mEaw> (дата обращения 23.03.2024).
37. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oed.com/dictionary/compliance_n?tab=factsheet&tl=true#8836867 (дата обращения 08.04.2024).
38. Thesaurus linguae latinae compendarius: or A compendious dictionary of the Latin tongue. Designed for the use of the British nations. In three parts. By Robert Ainsworth. The 2-d ed. with additions and improvements. By Samuel Patrick and Usher Ainsworth Robert. – London: printed for W. Mount and T. Page, etc., 1746. – Vol. 1. – 544 p.

Текст поступил в редакцию 16.08.2024.

Принят к печати 16.09.2024.

Опубликован 24.12.2024.

References

1. *A New Dictionary English and Russian. Novoj slovar anglijskoj i rossijskoj* [A New Dictionary English and Russian. New dictionary of English and Russian.]. St. Petersburg: Tip. pri Morskom shlyaxetnom kadetskom korpuse, 1784, 772 p.
2. Apel K.-O. Transformation der Philosophie, Frankfurt am Main, 1973 (Russ. ed.: Apel` K.-O. Transformacija filosofii / K.-O. Apel`. Moscow: «Logos» Publ., 2001. – 344 p.)
3. Arinin E.I. *Religiovedenie* [Study of Religios]. 2017, no. 3, pp. 66–80 (in Russian)
4. Arinin E.I., Lyutaeva M.S., Markova N.M., Petrosyan D.I. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2023, no. 3, pp. 118–128 (in Russian)
5. *Bol`shoj anglo-russkij slovar`* [Large English-Russian dictionary]: In 2 volumes. Comp. N.N. Amosova, Yu.D. Apresyan, I.R. Galperin and others; Under general hands I. R. Galperina. 3rd ed., stereotype. Moscow: Rus. lang., 1979, vol. 1, 824 p. (in Russian)
6. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/compliance> (accessed on March 23, 2024) (in English).
7. *Compliance*. Available at: <https://www.etymonline.com/word/compliance> (accessed on March 03, 2024) (in English).
8. Durkheim E. *Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie*. Paris: Félix Alcan, 1912, 647 p. (Russ. ed.: Dyurkgejm E`. *E`lementarny`e formy` religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii*. Moscow: Izdatel`skij dom “Delo” RANXiGS, 2018, 736 p.
9. *Elektronnaya biblioteka “Nauchnoe nasledie Rossii”* [Electronic library “Scientific Heritage of Russia”]. Available at: <http://books.e-heritage.ru/Catalog/ShowPub/29936?lg=en> (accessed on May 17, 2024) (in Russian).
10. Fedotov S.P. *Vestnik gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya* [Bulletin of state and municipal administration]. Moscow: RANXiGS, 2018, no. 3 (29), pp. 22–27 (in Russian).

11. *Gistoriya Svejskoj vojny` (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [History of the Suan War (Peter the Great's Daily Note)]. Compiled by T.S. Maikov, under the general editorship of A.A. Preobrazhensky. In 2 issues. Issue 1. Moscow: "Krug", 2004, 632 p. (in Russian).
12. *Gistoriya Svejskoj vojny` (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [History of the Suan War (Peter the Great's Daily Note)]/compiled by T.S. Maikov, under the general editorship of A.A. Preobrazhensky. In 2 issues. Issue 2. Moscow: "Krug", 2004, 656 p. (in Russian).
13. Grekova I. *Komplaens prednaznachen dlya lyudej, gotovy`x menyat` i menyat` sya* [Compliance is for people who are ready to change and change] Available at: <https://www.hse.ru/news/edu/496963288.html> (accessed on March 23, 2023) (in Russian).
14. Kimelev Yu.A. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya religii* [Modern Western philosophy of religion] Moscow: Mysl, 1989, 285 p. (In Russian).
15. Knabe G.S. *Kornelij Tacit* [Cornelius Tacitus]. Moscow: Nauka, 1981, 208 p. (in Russian).
16. Kosty`lev P.N. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University]. Episode 1: Theology. Philosophy. 2013, no. 5, xxx p. (in Russian).
17. Kurakin B.I. *Dnevnik i putevy`e zametki knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina. 1705–1707* [Diary and travel notes of Prince Boris Ivanovich Kurakin. 1705–1707]. Book archive F. Kurakina, Book 1. St. Petersburg, 1890, 388 p. (in Russian).
18. Larin B.A. *Russko-anglijskij slovar`-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)* [Russian-English dictionary-diary of Richard James (1618-1619)]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1959, 423 p. (in Russian).
19. Lavrov P. L. *O religii* [About religion]. Moscow: Thoughts, 1989, 416 p. (in Russian).
20. Lejbnicz G.V. *Sochineniya v chety` rex tomax: T. 3* [Works in four volumes: vol. 3]. Moscow: Thoughts Publ., 1984, 734 p. (in Russian).
21. Lovyagin A.M. *Enciklopedicheskij slovar Brokgauza i Efrona. T. XXIII A (46)* [The encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron. Vol. XXIII A (46)]. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona) Publ., 1898, p. 704 (in Russian).
22. Lukman T. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2014, vol. 13, no. 1, p. 139–154 (in Russian).
23. Lyashenko V. *Dosmotri blizhnego svoego* [Look after your neighbor] Available at: https://www.gazeta.ru/culture/2012/12/11/a_4887641.shtml (accessed on March 03, 2024) (in Russian).
24. Markova N.M., Arinin, E.I., Cyganov R.V., Semenov I.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2024, no. 1, pp. 90–103 (in Russian).
25. *Mogla stat` russkoj czaricej, kaznila sestru, soxranila nevinnost`: lyubopy`tny`e fakty` ob anglijskoj koroleve Elizavete I* [Could have become a Russian queen, executed her sister, retained her innocence: interesting facts about the English Queen Elizabeth I] Available at: <https://kulturologia.ru/blogs/250522/53370/> (accessed on June 28, 2024) (in Russian).
26. Muller F.M. *Religiya kak predmet sravnitel`nogo izucheniya* [Religion as a subject of comparative study]. Kharkov: translator publishing house, 1887, 138 p.
27. Nikitin F. *Simulyakr ateizma. Marianna Shaxnovich – o tom, chto takoe "nauchny`j ateizm"* [A simulacrum of atheism. Marianna Shakhnovich - about what "scientific atheism" is]. Available at: <https://gorky.media/context/simulyakr-ateizma/> (accessed on June 28, 2024) (in Russian).
28. *MUSE o novom mirovom porjadke v svoej pesne*. Available at: <https://dzen.ru/a/Y9qsmVP1AH6mEaw> (accessed on March 23, 2024) (in English).
29. *Oxford English Dictionary*. Available at: https://www.oed.com/dictionary/compliance_n?tab=factsheet&tl=true#8836867 (accessed on April 08, 2024) (in English).
30. *Paradoksy` Korolya iz "Oby`knoennogo chuda" Evgeniya Shvarca* [Paradoxes of the King from "An Ordinary Miracle" by Evgeniy Schwartz] Available at: https://vk.com/wall-149627512_65249 (accessed on March 23, 2024) (in Russian).
31. *Polnyj anglo-russkij slovar, sostavlennyj A. Aleksandrovym* [Complete English-Russian dictionary compiled by A. Alexandrov]. 5th ed., rev. and additional, St. Petersburg: Voen. tip., 1909, 926 p. (in Russian).
32. Sadov A.I. *Xristianskoe chtenie* [Christian reading], 1897, no. 6., p. 829–841 (in Russian).
33. Sokolov V.A. *Reformaciya v Anglii* [Reformation in England]. Moscow: tip. L.F. Snegireva, 1881, 542 p. (in Russian).
34. Vasil`ev V.A. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2017, no. 1 (768), p. 172–181 (in Russian).
35. *Thesaurus linguae latinae compendarius: or A compendious dictionary of the Latin tongue. Designed for the use of the British nations. In three parts.* By Robert Ainsworth. The 2-d ed. with additions and improvements. By Samuel Patrick and Usher Ainsworth Robert. Vol. 1. London: printed for W. Mount and T. Page, etc., 1746, 544 p. (in English).
36. Vasmer M. *Russisches Etymologisches Wörterbuch*. Vol. III. Heidelberg: Carl Winter – Universitätsverlag, 1955 (Russ. ed.: Fasmer M. *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka*. in 4 vol. Vol. 3. Moscow: ASTREL AST, 2009, 830 p.).
37. Zabiyako A.P. *Kategoriya svyatosti. Sravnitel`noe issledovanie lingvo-religioznych tradicij* [Category of holiness. Comparative study of linguistic and religious traditions]. Moscow: Publishing house "Moscow Textbook-2000", 1998, 205 p. (in Russian).
38. Zarubina A. *Reformaciya v Anglii: korol` protiv papy`* [Reformation in England: King versus Pope]. Available at: https://diletant.media/articles/45299479/?utm_source=zen&utm_medium=social&utm_content=article (accessed on February 15, 2024) (in Russian).

Submitted for publication: August 16, 2024.
Accepted for publication: September 16, 2024.
Published: December 24, 2024.